СПРАВКА

О МОЁМ УВОЛЬНЕНИИ ИЗ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1982 г. я проходил свидетелем по делу А.Ф. Ковалевского, обвинявшегося по ст. 190[1] УК РСФСР, как его знакомый. В сентябре коллегия Томского областного суда вместе с приговором А.Ф. Ковалевскому и др. вынеслачастное определение, адресованное ректору ТГУ профессору А.П. Бычкову. В определении обращалось внимание на то, что я познакомил А.Ф. Ковалевского с Г.И. Саловой /редактор реферативного журнала "Астрономия"/ и М.Б. Набоковой /помощник режиссёра "Мосфильма"/, от которых, согласно показаниям А.Ф. Ковалевского, последний получал инкриминировавшуюся ему литературу. При этом мне ставилось также в вину, что я пытался скрыть от предварительного следствия обстоятельства знакомства. Ректору ТГУ предлагалось обсудить моё поведение и принять соответствующие меры. В начале октября 1982 г. Томский областной суд направил это определение ректору ТГУ для исполнения в месячный срок.

Во исполнение частного определения ректор ТГУ издал 25 октября 1982 г. секретный приказ № 454, с полным текстом которого я до сих пор не был ознакомлен, о создании комиссии для рассмотрения моего соответствия занимаемой должности в составе четырёх профессоров и трёх доцентов, из которых только один профессор был знаком со мной как коллегой по факультету. 3-го ноября группа лиц /всего 7 человек/ представленная мне проректором ТГУ профессором А.П. Кудиновым ректорской комиссией, исполняющей приказ, допросила меня по вопросам, затронутым в частном определении /текст определения мне тогда ещё не был представлен/, и по широкому спектру вопросов моей трудовой и общественной деятельности, личной жизни и рдственным связям. С частным определением я был ознакомлен 18 НОЯБРЯ в Томском областном суде. 25 ноября совершенно незнакомый мне доцент В.С. Аракчеев, назвавшись зам. председателя ректорской комиссии, вручил мне заключение комиссии, датированное 19.II.1982 и рекомендовавшее перевести меня на работу, не связанную с воспитательными функциями. Из заключения комиссии мне стал известен её состав /7 человек/, не совпадавший с составом допрашивавших меня 3-го ноября. Никакого обсуждения моего поведения, моей деятельности ни на кафедре, ни на факультете не проводилось. По-видимому, были лишь закрытые переговоры некоторых членов комиссии с деканом доцентом В.И. Каном, секретарём партбюро ИМФ доцентов В.А. Штанько и новым заведующим кафедрой МА профессором И.А. Александровым. В частности, была подготовлена для комиссиинновая характеристика на меня, с которой меня ознакомили лишь

после настоятельных просьб через полтора месяца после моего увольнения.

Вечером 25.II.1982 я получил извещение о том, что 26 ноября на на заседании президиума профсоюзного комитета будет заслушиваться представление администрации о моём увольнении, с предложением явиться на заседание. 26 ноября президиум профсоюзного комитета семью голосами при двух воздержавшихся и трёх отсутствовавших членах дал санкцию администрации на моё увольнение по п.3 ст.254 КЗоТ РСФСР. В дополнение к частному определению для обоснования моего увольнения в вину мне поставлены:

I/ отказ от участия в атеистической пропоганде /интересно, как согласуется такое обвинение со ст. 9 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, утверждающий, что "какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при приёме на работу в зависимости от пола, расы, национальной принадлежности и отношения к религии не допускается"?/, заключающееся в том, что в мае 1980 г. я отказался выступить с атеистической лекцией перед членами кафедр общественных наук университета, ибо я не лектор-антирелигиозник, не моя это специализация; отказ был моим естественным правом.

2/ неучастие в выборах органов советской власти, выразившееся в том, что летом 1982 г. единственный раз и чисто случайно я не проголосовал при выборах в местные органы власти, находясь в поездке и имея на руках открепительный талон /ехал я электропоездами, в которых голосование не проводилось, а в связи с ремонтом путей на участке Тайга-Томск поезд на много часов опаздал и прибыл в Томск около 23 часов/. Я не сумел воспользоваться своим правом голоса, но этот факт я никому не рекламировал и установлен он последующим расследованием, противоречащим ст. 99 Конституции СССР, запрещающей контроль за волеизъявлением избирателей. После того, как я признался, что не голосовал, я высказал сожаление по этому поводу. Этот факт одноразового неучастия в выборах не укладывается в понятие аморального проступка;

3/ беспринципность в оценке антисоветской деятельности моих друзей, которая полностью выдумана, ибо отсутствовала даже сама оценка, тем более её беспринципность. Здесь - прямая клевета.

3.I2.1982 г. ректор издал приказ о моём увольнении с должности доцента кафедры НА в соответствии с п.3 ст.254 КЗоТ РСФСР и Инструктивного письма минвуза СССР от I6.09.76 г. № 25, п.6 /за аморальный проступок/.

Таким образом, 3 декабря 1982 г. завершилось исполнение частного определения, которое согласно постановлению Пленума Верховног Суда СССР /см. "Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР ч. 2, стр. 346/ вступило в законную силу лишь после кассационного рассмотрения дела А.Ф. Ковалевского и др. и оставления этого определения без изменения Верховным Судом РСФСР 27 декабря 1982 г. и лишь после этого срока /см, там же/ областной суд мог направить частное определение ректору ТГУ. Переворачивание законной процедуры с ног на голову кому-то была нужна для ускорения процедуры увольнения и недопущения меня до очередных перевыборов по конкурсу. Ведь з исход тайного голосования членов учёного совета администрация не мо ла быть уверена.

Дальнейшее изгнание меня из университета было уже более простым делом. Приказом ректора I I45/н I3 декабря 1982 г. я с 3 По 3I декабря переведён с 0,45 на полную ставку старшего научного сотрудника научного руководителя хоздоговора 401/8I, а приказом № 5н 7 января I983 г. я с I.0I.83 г. уволен и с этой работы по ст. 29 п.2 КЗоТ РСФСР /в связи с истечением срока действия трудового соглашения/. Администрация университета отказалась подписать новый договор по теме "Поток вторичных частиц в системах Земля-Луна и Марс-Фобос-Деймос", предложенной ГЕОХИ АН СССР Томскому университету, выполнение которой предполагалось проводить под моим научным руководством. Через декана ММФ мне было объявлено, что в университете мне никакой работы предложено не будет.

В начале января I983 г. я подал исковое заявление о восстановлении на работе в должности доцента МА в Кировский районный народный суд, рассмотревший его I8 января I983 г. в открытом судебном заседании и принявший решение мне в иске отказать, т.к. "Истец Фаст В.Г. является высококвалифицированным специалистом в области математического анализа, но в силу определённых убеждений и семейных связей не может обеспечить обучение студентов в духе высокой идейности и преданности Коммунизму". Таким образом, решение народного суда окончательно закрепило увольнение по п. 3 ст. 254 КЗот РСФСР не за конкретный аморальный проступок, /как это предусматривает закон/, а за наличие "определённых" нигде и никогда не конкретизированных убеждений и "семейных связей". Известно, что "при всех условиях совершение аморальных проступков должно быть доказано. Недопустимо увольнение на основании общей оценки поведения того или иного лица в коллективе и в быту или на основании неконкретных и недостаточно проверенных фактов, слухов и т.д. /см. Материалы обобщения судебной практики Верховного Суда РСФСР. - Баллетень Верховного Суда РСФСР, I973, № II, с.6./ Мне не было поставлено в вину какого-